

Шапошников вспоминал: «Учебная часть подвела итоги окончания дополнительного курса и объявила их нам. Итак, подлежали причислению к Генеральному штабу 48 человек — 15 гвардейских и 33 армейских офицера. Кроме того, считался успешно окончившим дополнительный курс Врангель, который по собственному желанию уходил в свой лейб-гвардии Конный полк. Академия ему была нужна, чтобы скорее получить эскадрон и чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику» (в действительности чин гвардейского ротмистра при переходе в армейские полки приравнивался к подполковнику). В то время чуть более трети выпускников академии причислялось к Генеральному штабу. Из 124 человек, поступивших на младший курс в выпуск Врангеля, 62 были отчислены, а 14 человек окончили дополнительный курс без причисления к Генштабу.

По словам Шапошникова, «по причислении к Генеральному штабу, за исключением конников, мы должны были все откомандовать два года ротой (это касалось и артиллерии). Кавалеристы на год шли в офицерскую кавалерийскую школу, а затем в строй для командинания эскадроном». Врангель, окончивший академию одним из лучших, получил возможность остаться «по собственному желанию» служить в строю своего лейб-гвардии Конного полка, так как строевую службу всегда предпочитал штабной.

Успешно окончив курс в Офицерской кавалерийской школе, 22 мая 1912 года Петр Николаевич прибыл в лейб-гвардии Конный полк. Там он стал вначале временно командующим третьим эскадроном, а 16 августа — его командиром. Это был «шефский» эскадрон Его Величества. 6 декабря 1912 года Врангелю был пожалован орден Святого Станислава 2-й степени за беспорочную службу, а 11 августа 1913 года его произвели в ротмистры. В этом чине барон и встретил войну.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В июле 1914 года в составе полка Врангель выступил на фронт. Жена находилась вместе с ним, работая в медицинских учреждениях частей, которыми он командовал. Конногвардейский и Кавалергардский полки входили в 1-ю бригаду лейб-гвардии Кавалерийской дивизии, а та, в свою очередь, в состав 1-й армии, которой командовал старый знакомый Врангеля по Маньчжурии, генерал от кавалерии П. К. Рennenкампф, благоволивший барону.

Очень скоро Врангель стал первым русским офицером,

удостоенным Георгиевского креста в Первой мировой войне. Соответствующий приказ был издан по 1-й армии Северо-Западного фронта 30 августа 1914 года на основании решения Георгиевской думы*. В представлении к награждению говорилось: «Стремительно произвел конную атаку и, несмотря на значительные потери, захватил два орудия, причем последним выстрелом одного из орудий под ним была убита лошадь».

Этой высокой награды Врангель был удостоен за бой 6 августа под восточнопрусской деревней Каушен. Там находилась немецкая двухорудийная батарея, которая наносила большой урон русским наступающим спешенным эскадронам. Описывая бой под Каушеном, командир лейб-гвардии Конного полка генерал-майор Б. Е. Гартман, сам раненный в том бою, вспоминал: «Врангель не находил себе места от нетерпения. Вести о потерях, об убитых товарищах доходили до него и лишь усиливали его протест против того, что ему приходится оставаться в тылу, когда его товарищи дерутся. И наконец он не вытерпел. К этому времени к начальнику 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генералу Казнакову подъехал с наблюдательного пункта 1-ой Его Величества батареи поручик Гершельман и доложил, что орудие противника в тяжелом положении и что, если помочь спешенным частям свежими силами, то орудия можно будет захватить. Услыхав это, Врангель стал буквально умолять разрешить ему атаковать...»

Получив разрешение командира полка на захват батареи атакой в конном строю, он незаметно приблизился к немецким пушкам на расстояние километра и с первым полуэскадроном бросился на врага. Немцы, не ожидавшие конной атаки, не успели поднять прицел, так что во врангелевском эскадроне пострадали в первую очередь лошади. Тем не менее и людские потери оказались значительными: погибли все офицеры и более двадцати солдат из более чем ста, участвовавших в атаке. Тем не менее конногвардейцы ворвались на немецкие позиции, захватили два орудия, а затем выбили противника из Каушена. Последним артиллерийским выстрелом под Врангелем прямым попаданием картечи была убита лошадь. Он перелетел через ее голову, получив легкую контузию, но тотчас поднялся на ноги и добежал до орудий, где шла ру-

* Дума (Кавалерский капитул) ордена Святого Георгия была учреждена в 1782 году императрицей Екатериной II для рассмотрения кандидатур новых кавалеров ордена (ранее этим занимались Военная и Адмиралтейств-коллегия). В нее входили находившиеся в Петербурге георгиевские кавалеры 1-й и 2-й степеней и по 12 старших по возрасту кавалеров 3-й и 4-й степеней. (Прим. ред.)

копашная схватка. Для Врангеля, по словам Гартмана, Каушен стал Тулоном*.

Впоследствии Борис Егорович Гартман, участник Белого движения на юге России, будет назначен Врангелем начальником 5-го отдела Русского общевоинского союза в Бельгии.

Есть и другие мемуарные свидетельства той славной атаки. Так, великий князь Гавриил Александрович вспоминал: «6 числа был известный бой Гвардейской конницы под Каушеном, во время которого командир 3-го эскадрона Конной гвардии ротмистр барон Врангель... атаковал во главе своего эскадрона немецкую батарею... После боя наш эскадрон был назначен в охранение. Ясно помню, что когда полк собрался вместе, уже почти стемнело. Я стоял в группе наших офицеров, говорили, что Врангель убит; Грэвс и Велепольский жалели убитого, как хорошего офицера, которого они знали еще по японской войне. Вдруг в этот момент появляется сам барон Врангель верхом на громадной вороной лошади. В сумерках его плохо было видно и он казался особенно большим. Он подъехал к нам и с жаром, нервно стал рассказывать, как он атаковал батарею...» Воистину — «черный барон», хотя тогда Петр Николаевич еще не носил черкеску.

А вот как описывает знаменитый бой князь В. С. Трубецкой: «6 августа 1914 г. под местечком Каушен в Восточной Пруссии даже был случай, когда один эскадрон лейб-гвардии Конного полка, входившего в состав нашей дивизии, атаковал в лоб (правда, разомкнутым строем) германскую батарею на позиции!.. В этой удивительной атаке (свидетелем которой был и пишущий эти строки и которая, как мне кажется, была единственная в этом роде за всю мировую войну), несомненно, оказались влияние и школа Красного Села**. Кстати, командиром эскадрона конногвардейцев был ротмистр барон Врангель, который благодаря этой атаке на батарею приобрел в гвардии большую известность и популярность и быстро пошел в гору».

Конные атаки силой эскадрона, а уж тем более полка или дивизии на европейских фронтах Первой мировой войны бы-

* В 1793 году восставший против революционного Конвента Тулон, обороняемый роялистами и пришедшими им на помощь англичанами, был взят благодаря блестящей военной операции начальника осадной артиллерии капитана Наполеона Бонапарта, с которой началась его военная слава. За взятие Тулона 24-летний Наполеон получил чин бригадного генерала. (*Прим. ред.*)

** В Красном Селе под Петербургом с начала мая до середины июля летом проходили строевая подготовка, стрельбы и смотры гвардейских частей. (*Прим. ред.*)

ли большой редкостью. Протянувшиеся от моря до моря сплошные линии окопов, прикрытые несколькими рядами колючей проволоки и густо насыщенные артиллерией и пулеметами, стали смертным приговором кавалерии. Иная ситуация сложилась на некоторых азиатских фронтах — в Персии и Палестине, где из-за отсутствия сплошной линии фронта оказались возможны кавалерийские рейды полков и даже дивизий в неприятельский тыл. А во время Гражданской войны в России сплошных линий фронта не было почти ни на одном театре военных действий, за исключением польского. Плотность войск и огневых средств в этой войне была на порядок ниже, чем в Первой мировой. Поэтому кавалерия силой в десятки тысяч шашек могла совершать прорывы на сотни километров в тыл неприятеля. А атаковать в конном строю могли даже целые кавалерийские дивизии и корпуса (по реальной силе они примерно равнялись соответственно бригадам и дивизиям времен Первой мировой войны). Врангель же после успеха под Каушеном верил в успех атак в конном строю, и в Гражданской войне перед ним открылось широкое поле деятельности. Барон по праву считался одним из лучших кавалерийских командиров в белых армиях, но до этого было еще долгих четыре года.

Пока же Врангель впервые вкусили плоды всероссийской славы. Его фотография появилась на страницах «Летописи войны» — популярного иллюстрированного военного журнала. Бой под Каушеном широко освещался в русской и союзной прессе. Николай Егорович, находившийся в те дни в Париже, вспоминал: «Накануне нашего отъезда я получил телеграмму о блестательной конной атаке прусской батареи третьим эскадроном Конного полка. Батарея была взята, но, как значилось в телеграмме, при этом погиб цвет русской гвардии. Потери громадные. Этим эскадроном командовал наш старший сын... Жив ли он? Ранен? Телеграммы шли неделями, ответ в Париже я получить не мог. Мы отправились в путь. В английских газетах об атаке у Каушена трубили. Имена погибших офицеров были напечатаны. Слава богу, имени сына в этих списках не было».

Надо признать, что есть и иные оценки действий Врангеля под Каушеном. Т. А. Аксакова-Сиверс со слов великого князя Михаила Александровича писала в мемуарах: «Приходили вести о первых боях, в которых полегла значительная часть гвардии. Говорили о том, как Врангель, командуя эскадроном конногвардейцев, с безрассудной отвагой повел его в атаку и положил много людей. Впоследствии я слышала, что, подписывая награждение Врангеля Георгиевским крестом по стату-

ту, государь сказал: “Никогда я не подписывал приказа с такой неохотой. Не погорячись Врангель, те же результаты могли быть достигнуты стоящей за ним артиллерией Круzenштерна, которая уже начала действовать. И люди были бы целы!”». Как знать, не дошли ли слухи о нелестном царском отзыве и до самого Врангеля? И, быть может, именно они послужили причиной того, что в первоначальном варианте своих воспоминаний Петр Николаевич весьма негативно отзывался о Николае II. Но перед публикацией он этот отзыв снял.

Что же касается обвинения Врангеля в излишних потерях, то таковые в русской армии никогда большим грехом не считались. В крайнем случае, число убитых и раненых в бою разбрасывалось на несколько дней, когда боев вообще не было. Неприятельские же потери обычно показывались превышающими собственные, независимо от того, какими они были в действительности. Что же касается вопроса, насколько была оправданна предпринятая Врангелем атака, мы сегодня лишены возможности объективно судить о том, было ли справедливым замечание императора, если оно вообще было сделано. Ведь ни в дневнике, ни в дошедших до нас письмах Николая II нет никаких упоминаний о Каушенском бое. Мемуаристка ссылается на великого князя Михаила Александровича, но он был расстрелян большевиками в 1918 году и воспоминаний не оставил.

Но даже если принять на веру, что царь действительно ругнул Врангеля за горячность и напрасные потери, оправданию Петра Николаевича могут служить следующие обстоятельства. Сегодня нам вряд ли удастся проверить, действительно ли в момент врангелевской атаки русская артиллерия уже развертывалась на позиции и вот-вот должна была выкурить неприятеля из Каушена. Вполне возможно, что ни Врангель, ни Гартман тогда еще не знали о прибытии артиллерии, и потому внезапная атака в конном строю казалась им оправданной. Кроме того, в случае, если бы немцы ушли из Каушена после обстрела русскими пушками, в руки их противников вряд ли попали бы два немецких орудия. И, наконец, мы не знаем, какие потери понесли немцы в Каушене в результате атаки 3-го эскадрона конногвардейцев. Вполне возможно, что они были не меньше, чем потери эскадрона Врангеля, или даже превышали их.

Тактический успех под Каушеном раздули потому, что он должен был отвлечь внимание русской публики от крупных неудач русских войск в Восточной Пруссии. 2-я армия генерала от кавалерии А. В. Самсонова попала в окружение под Танненбергом. Два ее корпуса были уничтожены, а командарм за-

стрелился. Вскоре немецкие подкрепления, прибывшие с Западного фронта, вытеснили из Восточной Пруссии и сильно потрепанную 1-ю армию Ренненкампфа. 18 ноября 1914 года за неудачные действия в ходе Лодзинской операции Ренненкампф был отстранен от командования армией. Конец его был печален. За отказ перейти на службу к большевикам Павел Карлович был убит 12 апреля 1918 года.

В газетной кампании, связанной с именем Врангеля, важную роль играло то обстоятельство, что он стал первым офицером, награжденным орденом Святого Георгия в только что начавшейся войне. Точно так же героем газетных статей стал донской казак Козьма Фирсович Крючков, получивший в этой войне первый солдатский Георгиевский крест. Кстати, служил он в той же 1-й армии генерала Ренненкампфа и Георгия 4-й степени заслужил на неделю раньше Врангеля — за бой с немецкими кавалеристами, состоявшийся 30 июля у польского города Кальвария. В том бою Козьма Фирсович будто бы лично уничтожил 11 немцев и был 16 раз ранен немецкими пиками. После такой славы бравому казаку, казалось бы, не составляло большого труда получить полный Георгиевский бант, а затем и офицерский чин. Но на самом деле до Февральской революции Крючков успел получить только еще одного Георгия, 3-й степени, и две георгиевские медали, 4-й и 3-й степеней. Его произвели только в подхорунжие, что соответствовало чину подпрапорщика в армейской кавалерии. Чтобы стать офицером, подпрапорщику надо было либо окончить школу прапорщиков, либо совершить какой-либо выдающийся воинский подвиг. Первый офицерский чин хорунжия Крючков получил уже в мае 1918 года, во время Гражданской войны, в которой он принимал участие на стороне белых. Для этого ему пришлось снять пост красных в шесть человек. Но всероссийская слава не спасла его от гибели в 1919 году. Врангель же был более удачлив, чем Козьма Фирсович, и в карьере, и в личной судьбе.

После боя под Каушеном Врангелю дали блестящую аттестацию: «Ротмистр барон Врангель — отличный эскадронный командир. Блестящая военная подготовка. Энергичный, лихой, требовательный и очень добросовестный. Входит в мелочи жизни эскадрона, хороший товарищ, хороший ездок. Немного излишне горяч. Обладает хорошими денежными средствами. Прекрасной нравственности. В полном смысле слова — выдающийся эскадронный командир». Стоит отметить, что столь лестная аттестация была вполне заслуженной. По свидетельству сослуживцев, Врангель очень заботился о своих подчиненных: никогда не садился ужинать, пока не убе-

дится, что все солдаты эскадрона накормлены, а спать ложился последним в эскадроне.

Двенадцатого сентября 1914 года Петр Николаевич был назначен начальником штаба Сводно-Кавалерийской дивизии. Однако штабная работа Врангеля не привлекала, поэтому 23 сентября он получил назначение помощником командира полка по строевой части.

Десятого октября 1914 года состоялась аудиенция у императора. В этот день Николай II записал в дневнике: «После доклада Барка принял... ротм^{истра} Л^{ейб}-гв^{ардии} Конного полка бар^{она} Врангеля, первого Георгиевского кавалера в эту кампанию...» 27 октября Петр Николаевич был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Шестого декабря 1914 года царь назначил Врангеля своим флигель-адъютантом. Это давало барону право носить особый серебряный аксельбант и императорский вензель на погонах. Теперь он был причислен к свите императора и приглашался на проводимые монархом официальные приемы. То, что покровительствовавший Врангелю Ренненкампф оказался в опале, никак не сказалось на его карьере. 12 декабря Петра Николаевича произвели в полковники.

Двадцатого февраля 1915 года, во время Праснышской операции, Врангель во главе дивизиона успешно провел разведку, захватил переправу через реку Довину, а при дальнейшем наступлении бригады выбил две роты немецкой пехоты с трех укрепленных позиций, захватив при этом пленных и обоз. 13 апреля за отличие в делах против неприятеля он был награжден Георгиевским оружием.

Для Врангеля война была прежде всего способом проявить себя, сделать блестящую карьеру (в продвижении в чинах он уверенно обгонял всех своих сверстников). Бедствия войны, похоже, тогда его еще особенно не трогали. Это его брат Николай, с тонкой душой искусствоведа, будучи начальником военно-санитарного поезда, писал в дневнике: «Кошмар, который я видел сегодня, превосходит всё, что можно себе вообразить... Здесь в лазаретах на 200 человек помещается 2500 стонущих, кричащих, плачущих и бредящих несчастных. В душных комнатах, еле освещенных огарками свечей, в грязной соломе валяются на полу полумертвые люди... Узнав, что явились возможность уехать из этого ада, все способные хоть кое-как двигаться, — часто безрукие, безногие, полуживые, — ползком, волоча свои тела, добрались до станции. Вопли и мольбы наполняли воздух ужасом и смертью. Этой картины я никогда не позабуду, сколько бы мне ни пришлось

прожить». В мемуарах Петра Николаевича мы подобных сен-тенций применительно к событиям Первой мировой войны не найдем.

Восьмого октября 1915 года Врангель был назначен коман-диром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего вой-ска, сражавшегося на Юго-Западном фронте. Командир лейб-гвардии Конного полка при переводе Врангеля дал ему весьма лестную характеристику: «Выдающейся храбости. Разбира-ется в обстановке прекрасно и быстро, очень находчив в тяже-лой обстановке». Два месяца спустя, 8 декабря, барон был на-гражден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Полк Врангеля входил в состав Уссурийской казачьей дивизии. Забайкальских казаков Петр Николаевич хорошо знал еще по Русско-японской войне, знал их сильные и слабые сто-роны. Первые заключались в удали и отваге, в том, что казаки были прирожденными разведчиками, любили и знали воен-ное дело, знали и многие традиционные казачьи военные хи-тости. Вторые состояли в недисциплинированности, склон-ности к грабежу; в случае неудачи казаки легко поддавались панике. Только сильный командир мог держать их в узде и за-ставить хорошо сражаться в любых условиях.

Врангель показал себя именно таким командиром. Неуди-вительно, что он неоднократно получает благодарности от на-чальника дивизии генерал-майора Александра Михайловича Крымова. Так, 29 и 30 июля 1916 года Нерчинский полк ус-пешно выдержал трудный бой с германским 43-м пехотным полком, усиленным артиллерией. По словам Крымова, в сложной обстановке полковник Врангель показал «умелое ма-неврирование и управление боем». 22 августа, участвуя в атаке в Лесистых Карпатах, 1-й Нерчинский полк взял в плен 118 немцев, захватил большое количество оружия и боеприпасов, причем многие офицеры, включая Врангеля, были ранены. За это командир дивизии «от всей души» поблагодарил в прика-зе Петра Николаевича и его полк.

За эту атаку 1-й Нерчинский полк получил шефство цеса-ревича Алексея, и Врангель в середине ноября во главе депу-тации полка выехал в Петроград для представления «молодо-му шефу». Он обратил внимание на то, как изменилась обстановка в столице:

«Я выехал в Петербург в середине ноября; несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в со-став депутатии.

Последний раз я был в Петербурге около двух месяцев на-зад, когда приезжал лечиться после раны, полученной при атаке 22 августа. Общее настроение в столице еще ухудшилось

со времени последнего моего посещения; во всех слоях общества чувствовались растерянность, сознание неизбежности в ближайшее время чего-то огромного и важного, к чему роковыми шагами шла Россия...»

Через несколько дней Врангель был назначен дежурным флигель-адъютантом. Во время дежурства произошла его встреча с Николаем II, которую барон описал в мемуарах:

«...Мне много раз доводилось близко видеть Государя и говорить с Ним. На всех видевших Его вблизи Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя — прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой. Ум Государя был быстрый, Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день! При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменив флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского. Государь в этот день завтракал у Императрицы. Мне подан был завтрак в дежурную комнату...

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня, посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в Семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах. Разговор велся частью на русском, частью, в тех случаях, когда Императрица принимала в нем участие, на французском языках. Я был поражен болезненным видом Императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца, что я Ее не видел. Ярко выступали красные пятна на лице. Особенно поразило меня болезненное и как бы отсутствующее выражение ее глаз. Императрица, главным образом, интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов. Великие Княжны и Наследник были веселы, шутили и смеялись. Наследник, недавно назначенный шефом полка, несколько раз задавал мне вопросы — какие в полку лошади, какая форма... После обеда перешли в гостиную Императрицы, где пили кофе и просидели еще часа полтора.

На другой день, в воскресенье, я сопровождал Государя, Императрицу и Великих Княжон в церковь, где Они присутствовали на обедне. Маленькая, расписанная в древнерусском стиле церковь была полна молящихся. Видя, как молится Царская Семья, я невольно сравнивал спокойное, полное глубокого религиозного настроения лицо Государя с напряженным, болезненно экзальтированным выражением Императрицы. По возвращении из церкви я застал уже во дворце прибывшего сменить меня флигель-адъютанта графа Кутайсова».

В день праздника кавалеров ордена Святого Георгия, 26 ноября, все награжденные Георгиевскими крестами и Георгиевским оружием были приглашены в Народный дом на торжественный молебен и обед. Врангель, имея и орден Святого Георгия, и Георгиевское оружие, был среди приглашенных. Он описал церемонию в мемуарах:

«Громадное число Георгиевских кавалеров, офицеров и солдат, находившихся в это время в Петрограде, заполнили театральный зал дома. Среди них было много раненых. Доставленные из лазаретов тяжелораненые располагались на сцене на носилках. Свита и приглашенные стояли в партере вплотную к сцене. Вскоре прибыл Государь с Императрицей. По отслужении молебна генерал-адъютант Принц Александр Петрович Ольденбургский взошел на сцену, поднял чарку и провозгласил здравицу Государю Императору и Августейшей Семье. Государь Император выпил чарку и провозгласил “ура” в честь Георгиевских кавалеров, после чего Он и Императрица обходили раненых, беседуя с ними. Я вновь, наблюдая за Императрицей, беседовавшей, наклонившись над носилками тяжелораненого, обратил внимание на болезненное выражение ее лица. Она, внимательно расспрашивая больного, в то же время, казалось, отсутствовала где-то. Видимо, выполняя что-то обязательное и неизбежное, Она мыслями была далеко».

Еще одна встреча Врангеля с императором, теперь уже посвященная представлению офицеров Нерчинского полка, в Царском днем 4 декабря, перед самым отъездом Николая II в Ставку:

«Отправив утром предназначенную быть подведенной Наследнику лошадь, поседланную маленьким казачьим седлом, я выехал с депутацией по железной дороге, везя заказанную для Наследника форму полка. Поезд наш должен был прибыть в Царское за полчаса до назначенного для представления Государю депутатии часа, и я рассчитывал, что успею до представления депутатии доложить Государю о моих офицерах, дабы Государю легко было задавать вопросы представляющимся.

Вследствие какой-то неисправности пути поезд наш опоз-

дал, и мы едва успели, сев в высланные за нами кареты, пребыть к назначенному часу во дворец. Встреченные дежурным флигель-адъютантом, мы только что вошли в зал, как Государь в сопровождении Наследника вышел к нам. Я представил Государю офицеров, и сверх моего ожидания Государь совершенно свободно, точно давно их знал, каждому задал несколько вопросов; полковнику Маковкину Он спросил, в котором году он взял Императорский приз; есаулу Кудрявцеву сказал, что знает, как он во главе сотни 22-го августа первым ворвался в окопы противника... Я лишний раз убедился, какой острой памятью обладал Государь, — во время последнего моего дежурства я вскользь упомянул об этих офицерах, и этого было достаточно, чтобы Государь запомнил эти подробности...

После представления Государь с Наследником вышли на крыльце, где осматривали подведенного депутацией коня. Тут же на крыльце Царскосельского дворца Государь с Наследником снялся в группе с депутатией».

Об императоре и его семье, принявших мученическую смерть в Екатеринбурге, Петр Николаевич отзывается почти благоговейно, с любовью описывая мельчайшие детали быта царской семьи. Это и понятно — он был искренним, убежденным монархистом. В период, когда Врангель готовил свои мемуары к изданию, в русской монархической эмиграции продолжалась свара между двумя лагерями — приверженцами великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимира. Кроме того, монархисты подвергались жестоким нападкам со стороны либеральных и социалистических кругов. В этих условиях, добиваясь максимального сплочения монархического лагеря, Петр Николаевич создавал идеализированный образ последнего царя, стараясь не упоминать его негативных черт. Но со слов издателя его мемуаров А. А. фон Лампе известно, что в их рукописи содержались весьма резкие отзывы о последнем русском императоре, чья неспособность взять ситуацию под контроль и противостоять вредному, как считал Врангель, влиянию супруги, способствовала успеху революции. Но и в опубликованном тексте бро-

* *Николай Николаевич (младший) (1856—1929)* — великий князь, внук императора Николая I и дядя Николая II. После гибели царской семьи считался среди белой эмиграции претендентом на российский престол как старший член династии, хотя сам монархических претензий не высказывал. *Кирилл Владимирович (1876—1938)* — великий князь, внук императора Александра II и двоюродный брат Николая II. В 1924 году провозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I и обратился с письмом к Николаю Николаевичу. Тот решительно отверг притязания родственника на царский титул, заявив, что вопрос о монархии может решаться только русским народом на родной земле. (Прим. ред.)

сается в глаза, что к императрице Врангель относился неодобрительно, считая ее виновницей кризиса власти, приведшего к революции.

Вскоре после возвращения Врангеля из Петрограда Уссурийская дивизия была переброшена на Румынский фронт. Там, в Яссах, где находилась румынская королевская чета, Петр Николаевич встретился с великой княгиней Викторией Федоровной, сестрой румынской королевы, и узнал от нее об отсутствии сплоченности среди членов августейшей фамилии:

«— Я знаю Россию дольше и лучше тебя, — сказала Императрица Великой Княгине Виктории Федоровне, — ты слышишь только то, что говорится в Петербурге, среди испорченной и далекой от народа аристократии. Ежели бы ты поехала с Государем и со Мной в одну из поездок Наших на фронт, ты бы увидела, как народ и армия обожают Государя. — Императрица, открыв ящик стола, показала Великой Княгине пачку связанных писем. — Вот всё это письма офицеров и солдат, простых русских людей. Я получаю много таких писем каждый день, все они обожают Государя и просят об одном, чтобы Он был тверд и не уступал всем поискам Думы...

Великая Княгиня давала понять, что большинство членов Императорской Семьи и, главным образом, семья Великой Княгини Марии Павловны, признают необходимость изменить существующий порядок вещей и что в этом отношении с ними единодушен ряд наиболее видных членов Думы... Продолжительный разговор с Великой Княгиней Викторией Федоровной произвел на меня тягостное впечатление. Я, встречая Великую Княгиню постоянно в Петербурге, никогда к ней не был близок, и самое желание ее видеть меня и откровенное посвящение Ею во все эти подробности показались мне несколько странными.

Дальнейшие события и выступление Великого Князя Кирилла Владимировича во главе “революционного” морского экипажа в один из первых дней переворота объясняют, быть может, многое».

Врангель, поддерживавший великого князя Николая Николаевича, прямо намекал на связь родни Кирилла Владимировича с думскими кругами, которые, по его мнению, и устроили Февральскую революцию. Петр Николаевич также давал понять читателям, что Александра Федоровна пребывала в мире иллюзий, верила, что народ и армия обожают императора, а воду мутят лишь жалкая кучка «думской общественности». Главный вред, по мнению Врангеля, состоял в том, что императрица внушала супругу эту далекую от реальности картину российской жизни, что мешало ему принять действен-

ные меры для оздоровления ситуации в тылу и на фронте тогда, когда революцию еще можно было бы предотвратить.

О Распутине Врангель упомянул в мемуарах только в связи с его убийством: «Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе. Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издали, размахивая газетами, закричал мне: “Наконец-то, подлеца Гришку ухлопали...”

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух — Великого Князя Дмитрия Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредного для Отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а, бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям...»

Не исключено, что в неопубликованной части мемуаров Врангель прямо и более резко писал о связях Распутина с покойной императрицей. Ведь именно близость к Александре Федоровне позволила «святому черту» приобрести то влияние на государственную жизнь, которое он имел вплоть до самой смерти.

Двадцать четвертого декабря 1916 года Врангель был назначен командиром 2-й бригады Уссурийской конной дивизии, 13 января 1917-го произведен «за боевое отличие» в генерал-майоры, а 23 января временно принял командование Уссурийской конной дивизией, поскольку заболевший генерал Крымов выехал в Петроград. Производство в генералы на тринадцатом году службы стало самым быстрым в русской армии начала XX века.

В 20-х числах января Врангель возглавил переход дивизии походным порядком из Ясс в Кишинев, где сосредоточилась вся конница Румынского фронта. Бессарабия была богата продовольствием и фуражом, и командование рассчитывало, что кавалеристы здесь хорошо отдохнут и подготовятся к предстоящему весной решающему наступлению. Петр Николаевич вспоминал:

«Небольшой, чистый и благоустроенный губернский город Кишинев, обычно тихий и молчаливый, был необычай-

но оживлен. Помимо моей дивизии в ближайшем к городу районе расположены были весь конный корпус генерала Келлера, Туземная, так называемая дикая дивизия князя Багратиона... Масса офицеров всевозможных кавалерийских и казачьих полков наполняли театры и рестораны.

Радушное кишиневское общество радо было слушаю окказать гостеприимство нашим частям и самому повеселиться. Представители местного дворянства и крупного купечества наперерыв устраивали обеды, ужины и балы, и военная молодежь после двух лет тяжелой походной жизни веселилась от души. Через несколько дней после прибытия дивизии кишиневское дворянство устроило для офицеров в Дворянском собрании бал. После танцев перешли в столовую, где на отдельных столах был сервирован ужин, причем дамы сами подавали, присаживаясь к тому или другому столику. Через неделю дивизия давала в том же Дворянском собрании ответный бал кишиневскому обществу. Из окрестных стоянок привыло два хора трубачей и песенники. Разошлись только с рассветом. Среди беззаботного веселья и повседневных мелочных забот, казалось, отлетели далеко тревоги последних долгих месяцев и ничто не предвещало близкую грозу.

Одннадцатого февраля прибыл из Петербурга генерал Крымов и дал новый повод местному обществу устроить в честь его ряд обедов и вечеров. Он так же был далек от сознания, что роковой час почти пришел и гроза готова разразиться. Негодя на Ставку и правительство, осуждая “безумную и преступную” политику, приводя целый ряд новых, один другого возмутительнее, примеров произвола, злоупотреблений и бездарности власти, он всё же не отдавал себе отчета, что капля, долженствующая переполнить чашу терпения страны, уже повисла в воздухе».

Однако ни во главе бригады, ни во главе дивизии толком повоевать в Первой мировой войне Врангель не довелось. В тот момент на Румынском фронте было затишье, а потом грянула Февральская революция. Так что реальный боевой опыт сорокалетнего генерала ограничивался командованием полком. Разумеется, действия его 1-го Нерчинского полка никак не могли повлиять на исход армейских и тем более фронтовых операций. Но свои задачи полк выполнял успешно, и Врангель был на хорошем счету у командования. Он, как и подавляющее большинство генералов и офицеров русской армии, никак не ожидал революции. Наоборот, всё, казалось бы, шло к скорой победе над врагом. Войска больше не испытывали, как в 1915 году, снарядного голода. Русская промышленность теперь производила боеприпасы в достаточном количестве, да

и поставки со стороны союзников помогли. Армия, хорошо вооруженная и обмундированная, готовилась к последнему, решающему наступлению, которое призвано было сокрушить австро-германский фронт.

Врангель, разумеется, не знал, что сосредоточение всех усилий на военном производстве привело к тяжелейшему кризису железнодорожного транспорта, который в феврале 1917 года находился на грани коллапса. Вследствие этого крупные города испытывали перебои с поставкой продовольствия, что в конечном счете привело к голодным бунтам в Петрограде и началу революции. Врангель не знал также, насколько многомесячное сидение в окопах осточертело простым солдатам. Для них цели этой войны никогда не были близки. Правда, в кавалерии недовольство ощущалось намного слабее, чем в пехоте. Кавалерийские дивизии по большей части пребывали в резерве и гораздо меньше времени, чем пехотные, проводили в окопах.

РЕВОЛЮЦИЯ

В конце февраля 1917 года в Кишинев приехала Ольга Михайловна, работавшая в полевом госпитале на Румынском фронте. По ее воспоминаниям, муж, несмотря на генеральский чин, лихо танцевал на балах, не отставая от юных поручиков.

Об этом времени пишет сын Врангеля Алексей Петрович: «В Кишиневе рекой лилось шампанское, пары кружились в вальсе под музыку полкового оркестра, звучал смех, никто не замечал темных туч, сгустившихся над головой. Когда грянула гроза, все были застигнуты врасплох...»

Барон тем не менее не слишком удивился революции. «Я их всех хорошо знаю, — говорил он об императорской фамилии близким знакомым. — Они не могут править, потому что не хотят... Они потеряли вкус к власти». В мемуарах он сокрушался, что «опасность была в уничтожении самой идеи монархии, исчезновении самого Монарха»: «Что должен был испытать русский офицер или солдат, сызмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны?..»

Временное правительство, «безвольное и бездарное», как считал Врангель, «позорно отдало Россию на милость победителя». Но не оно одно было виновно — «ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ». В возникновении смуты был повинен и сам Николай II: в начале 1917 года, по утверждению Врангеля, «армия, как и